

Итак, ценности как экзистенциальный потенциал аргументации неотделимы от настроенности человека на мир, маркируются в языке, раскрывают когнитивную модель сознания аргументирующего.

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ В МОРАЛИ

Т.И. Врублевская-Токер, г. Минск, Беларусь

Мораль и удовольствие для обыденного сознания обычно не имеют ничего общего. Более того, противоречат друг другу. Действительно, мораль диктует должное, удовольствие – приятное. Приятие морали вынужденно, удовольствия – желаемо. Они могут быть жизненными ориентирами, целями или даже стратегиями для человека, но они несовместимы. Следование морали считается положительным поведением, а следование удовольствию обычно порицается.

Однако любопытство философов свело воедино удовольствие и мораль. «Хочу делать то, что должно» – идеальная позиция для морального ригоризма. Именно в его рамках допускаются особые удовольствие и польза от морали, а именно: положительные оценки самого себя и приятные переживания, сопровождающие нравственно положительное поведение.

«Должен делать то, что хочу» – предельное значение для позиции гедонизма. Обычно гедонизм именно в таком виде выглядел во все времена неприемлемым как разрушающий личность и не соответствующий понятию человека.

Существует также третий вариант совмещения морали и удовольствия, рассматриваемый в этике эвдемонизма. Это вариант, при котором удовольствие выступает необходимым основанием индивидуальной морали. Логика построения этой модели такова.

Мораль для человека изначально является регулятором внешним. Врожденность моральных идей в эвдемонизме не допускается, поскольку его базовой объяснительной системой является атомизм или, позднее, материалистическая парадигма в целом.

Эвдемонисты задаются вопросом: а существует ли что-либо у человека, как самостоятельного индивида, нечто, что могло бы стать основанием для органичного приятия им морали, не только в смысле усвоения, но и для развития нравственного сознания, участия в нравственной деятельности?

Разум не достаточно подходит на эту роль, поскольку, по меткому замечанию Канта, для пользования разумом нужно мужество. Кроме того, разумная деятельность не является первичной для человека как представителя своего биологического вида.

А способность различать приятное и неприятное, удовольствие и страдание (как физическое, так и духовное) присутствует у любого человека в силу его органического строения.

Эвдемонистический принцип удовольствия, который возможно сформулировать, решая так поставленную проблему, может звучать следующим образом: «Стремление к удовольствию есть начало морали в человеке, ибо, избирающий удовольствие, в сущности, стремится к благу».

Человек, которому бывает трудно понять суть морального поведения, тем не менее, влеком удовольствием, это и есть его личное понимание блага. Благо – то, что хорошо. Кому хорошо? Мне. И, по возможности, признано другими.

Однако, согласно с сущностью удовольствия, избрание приятного не есть одновременно избрание хорошего, а только его предпосылка. Поэтому поиск последователей эвдемонизма сосредотачивается вокруг проблемы подлинного и неподлинного удовольствия, т.е. удовольствия, согласного с благом, а, значит, с моралью и, тем самым, ведущего к счастью, и удовольствия, которое с благом не соотносится.

Критерием для такого различения в древнегреческой этике служил разум. Удовольствия, санкционированные разумом, могут быть причастны морали. Человек, избирающий эти удовольствия, непременно демонстрирует и моральное поведение, является добродетельным. Само по себе это еще не свидетельствует ни о моральном образе жизни, ни о достижении счастья. Поскольку изначальное стремление к благу в сознании человека не соотносится только с моралью. Тем не менее, через желание жить приятно, человека можно привлечь к стремлению жить правильно.

Моралисты эпохи Возрождения перенимают эту идею достаточно активно. Стремление к удовольствию есть то, что позволяет заключить: человек хочет блага, хочет жить счастливо. Ему не нужно навязывать мораль. Она, в сущности, согласна с его природой. Даже в период позднего Ренессанса сохраняется такая идея. В принципе, нигде в мире физическом мораль не существует, она имеет природу идеальную и причастна к духовной сфере. Но человек не только через аскезу, но и через удовольствие способен к возвышению духа. И приятные переживания также могут быть средством «обращения», заставляющими обратить внимание на понятия морального порядка.

В этических поисках эпохи Просвещения еще один аспект этой проблемы подвергается пристальному изучению. Его суть в следующем: если удовольствие – то, что понятно и приемлемо для отдельного индивида, может быть основанием его нравственности, то возможно ли найти подобное основание для общественной морали?

Французские материалисты своеобразной суммой общих стремлений к удовольствию видят общественный интерес, основанный на разумном эгоизме. Нравственные отношения в сообществе могут быть непосредственно важны для каждого, подобно тому, как для каждого важно его собственное счастье. На уровне сообщества нравственно свободные поступки уступают место разумному ограничению, которое, в свою очередь, является добровольным, поскольку соответствует исходному стремлению жить, испытывая удовольствие.

Фейербах, в свою очередь, открыто объединяет «основу жизни» и «основу морали» в понятии желания. «То, что хочет, хочет только того, что приносит благо и сохраняет жизнь». Фейербах так объясняет, в чем же состоит счастье человека: это состояние, в котором может быть беспрепятственно удовлетворено любое стремление, выражающее сущность человека и отражающее сущность его жизни.

С одной стороны, это попытка преодолеть существующий дуализм: благо, подразумеваемое тем, кто стремится к удовольствию, несколько иное, чем благо, достигаемое в морали. Здесь природное стремление каждого жить приятно соответствует его, каждого, счастью как образу жизни, согласному со своеобразием его личности.

С другой стороны, специфически нравственный смысл счастья, который предполагает ограничение аффективной составляющей в человеке, отступает на второй план. Либо же следовало бы признать, что человек от природы добр, и аффекты благу не помеха.

Основа нравственных отношений некоторым образом стереотипизируется: всякое желание, возникающее в моем Я аналогично желанию другого Я, или, для меня, Ты. В межличностных отношениях необходимо всегда принимать в расчет: все, чего хочет один человек, может хотеть и другой. Фейербах исходит из идеи, что одинаковые волевые порывы, желания, приводят к одинаковому образу счастья.

Стремление к удовольствию может быть основанием морали при некоторых допущениях.

Прежде всего, благо, искомое в удовольствии, и благо, искомое в морали, должны совпадать.

Вместе с тем, стремление к удовольствию, как стремление к благу, должно сопровождаться развитием морального сознания, без которого невозможно определить некоторые виды деятельности как благие, а, значит, приятные. Например, защита отечества, вплоть до готовности пожертвовать собой. Или отказ от своеволия.

К тому же, задается определенный образ счастья как жизни, наполненной всевозможными благами, жизни благополучной. Иное же содержание счастья (аскетическое или стоическое) в таких условиях невозможно.